

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.2.3

**ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ
КАК ОСНОВА ПРОЯВЛЕНИЯ
ИНТОЛЕРАНТНОСТИ¹**

**ETHNIC PREJUDICES
AS THE BASIS
FOR THE DEMONSTRATION
OF INTOLERANCE**

Сикевич Зинаида Васильевна

Доктор социологических наук,
профессор факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: sikevich@mail.ru

Zinaida V. Sikevich

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Saint Petersburg
State University,
Saint Petersburg,
e-mail: sikevich@mail.ru

Статья посвящена проблеме толерантности, в контексте которой подробно рассматривается феномен этнических предубеждений как в теоретической плоскости, так и на уровне данных социологического исследования. Обсуждается положение о первичности дистанции «мы» – «не-мы» по отношению к конструкту толерантности. Оспаривается положение об отсутствии интолерантности в современном открытом обществе. С точки зрения автора, предубеждения основываются на системе негативных этнических стереотипов, с которыми их объединяют такие свойства, как устойчивость, согласованность, эмоциональность и др. В статье рассматриваются эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты этого явления и обсуждаются причины их формирования. К ним относятся конкуренция между этническими группами за власть

The article is devoted to the problem of tolerance, in the context of which the phenomenon of ethnic prejudices is examined in detail both at the theoretical plane and at level the data of sociological research. The article outlines the idea of the primacy of ethnic "we" as an opposition of the image of "non-we" in relation to the construct of tolerance. The author disputes the position that there is no intolerance in the modern open society. According to the author, ethnic prejudices are based on a system of negative ethnic stereotypes with which they are united by such properties as stability, consistency and emotionality. The article considers emotional, cognitive and behavioral components of this phenomenon and discusses the reasons of their formation. These include competition between groups for power and status, the marginalization of social identity, family socialization and perception

¹ * РФФИ 16-03-00414. «Межэтнические семьи как фактор стабильности в российском обществе».

или статус; маргинализация социальной идентичности; семейное воспитание и представление о реальной или мнимой угрозе, опасности со стороны другой группы. Теоретические положения иллюстрируются данными социологических исследований, выполненных под руководством автора.

Ключевые слова: этническая идентичность; этническая консолидация; этническая толерантность; интолерантность; этнические предрассудки; этнический конфликт; социальные отношения; семейное воспитание; межэтническая семья; моноэтническая семья; стереотип.

of a real or perceived threat and danger from another group. The theoretical positions are illustrated by the data of sociological research carried out under the guidance of the author.

Keywords: ethnic identity; ethnic consolidation; ethnic tolerance; intolerance; ethnic prejudices; ethnic conflict; social relations; family socialization; interethnic family; monoethnic family; stereotype.

В основе феномена этничности как социологической категории, с нашей точки зрения, лежит **процесс сравнения, при неблагоприятной социальной ситуации переходящего в противопоставление.**

Таким образом, оппозиция «я» – «не-я» / «мы» – «не-мы» в этнической самоидентификации заложена изначально (Арутюнян, 1999; Панферов, 2017. С. 235). Действительно, такого рода сравнение лежит в плоскости знакомых любому человеку с детства маркеров идентичности. Мы привыкли говорить: наша семья или наш класс, естественным образом предполагая наличие не-наших семей и классов. Иными словами, положительная этническая идентичность и даже этноцентризм «удобно» укладываются в схему привычного маркирования внешней социальной среды (Левкович, 1995).

Примечательно то, что **этническая идентичность вообще осознается и проявляется только в ситуации сравнения.** Неслучайно в моноэтнической среде феномен этничности как бы размывается, исчезает как раз из-за отсутствия предмета сопоставления.

Данные наших предыдущих исследований, в частности, 1997 и 2003 гг., когда в выборку были включены жители глубинки, показали, что в отсутствие этнически чужих собственная этничность фактически не осознается (Сикевич, 1999). Значимее становятся экономические и социальные характеристики (уровень дохода, профессия и т.п.).

В отличие от этнической идентичности по-иному обстоит дело с так называемой **этнической толерантностью**, которую можно вкратце определить как **институциональную норму межэтнического взаимодействия.** Это норма призывает признать общностью «мы» – не свой

народ, а в определенном смысле все человечество, т.е. все множество этнических групп, которые его составляют (Триандис, 2007).

Не вызывает сомнений, что этническая толерантность – конструкт, не вполне соответствующий нормам обычного права, картине мира, заложенной с детства и существующей на уровне «социального бессознательного» (Сикевич, 2005). К тому же институциональная норма в отличие от нормы неинституциональной еще, как правило, подвержена идеологизации.

Существует распространенная точка зрения, что толерантность присуща открытому обществу, а актуализированная в оценивании этническая дистанция – удел общества закрытого, традиционного или авторитарного (об этом, в частности: Barth, 1969; De Vos, 1997; Herskovits, 1972). Достаточно принять ценности общества постмодерна, и толерантность вытеснит интолерантность и сопровождающую ее негативную этническую дистанцию. Однако можно привести немало примеров того, что и в открытом обществе существуют проявления бытовой ксенофобии и расизма, правда, там на них немедленно реагируют правовые органы и общественное мнение, с детства воспитанное в духе толерантности.

Таким образом, в сфере этнических отношений институциональные и неинституциональные нормы, образно говоря, конкурируют, и если соответствие традиционной этнической норме вообще чаще всего не фиксируется как нечто абсолютно естественное, то следование идее этнической толерантности требует некоторого усилия в преодолении традиционной модели мировосприятия.

Эти теоретические послышки наглядно иллюстрирует факт, обнаруженный нами в исследовании 2011 г. (Санкт-Петербург, 449 чел., выборка квотная по полу и возрасту, лаборатория этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ).

Невольное, почти инстинктивное внимание к национальности окружающих выявил вопрос, ответы на который представлены в диаграмме 1 (Сикевич, 2012. С. 78–79; Панферов, 2017. С. 3–14).

С точки зрения современного либерального сознания, основанного на толерантности, национальность не относится к числу существенных признаков символической стратификации. Однако в действительности это утверждение является всего лишь этической нормой социального поведения, которой, по нашим данным, соответствует чуть больше одной трети опрошенных петербуржцев (37 %).

Каждый четвертый всегда обращает внимание на выраженные внешне признаки этнической принадлежности, примерно

столько же респондентов фиксируют их в случае возникшей антипатии по отношению к незнакомому человеку. Обращает на себя внимание, что невольная антипатия часто становится маркером «не-нашей» внешности. Носителю стереотипа психологически комфортнее отнести неприятного чем-то человека к чужакам, чем причислить его к своим. В этом случае сравнение уже переходит в противопоставление.

Диаграмма 1

Примечательно, что значительно **больше акцентированы на внешних признаках национальности мужчины** (обращают внимание всегда – 35,5 %, в случае антипатии – 19,9; ср. женщины – соответственно 19,6 и 18,9 %), **а также молодые люди** (всегда – 31,0 %, в случае антипатии – 23,8), в то время как пожилые (старше 60 лет) к этому признаку более индифферентны (соответственно 22,0 и 11,9 %).

Это, на наш взгляд, интересный факт, который стоит специально оговорить. Получается, что люди, сформировавшиеся в годы советской власти, больше соответствуют европейской норме игнорирования этнических признаков, чем молодежь, воспитанная уже в постсоветские времена.

Но в том-то и состоит парадокс: прежняя система, нетерпимая к политическому инакомыслию, как раз в области национальной политики успешно прививала так называемый советский интернационализм. А интернационализм, если его извлечь из идеологической обертки, мало чем отличается от современного этикета толерантности, именно поэтому **бывшие советские люди в отличие от своих детей и внуков менее этноцентричны**, причем не только в России (Bedrik A.V., Cher-

pobrovkin I.P.,... 2016.), но и в других постсоветских государствах – нездоровый «национальный климат» всюду создает молодежь.

Наиболее явственным и эмпирически фиксируемым проявлением интолерантности являются этнические предубеждения. Под **этническими предубеждениями** мы понимаем **негативные социальные установки по отношению как к этническим группам в целом, так и к отдельным индивидам по признаку их членства в данных группах.**

Предубеждения нередко основываются на системе негативных этнических стереотипов, являясь определенным аспектом их выражения. Эти два феномена этнических отношений объединяют многие свойства, в частности, устойчивость, согласованность, эмоциональность и др.

Классической работой по этому феномену принято считать книгу Г. Оллпорта «Природа предубеждений». Оллпорт рассматривал предубеждение как антипатию, основанную на ошибочном и негибком обобщении (Оллпорт, 2003. С. 39–50).

На наш взгляд, можно выделить три основных компонента этого явления, которые совпадают с проявлениями этнической идентичности:

- **эмоциональный**, который проявляется в неприязни, ненависти, отвращении или иных негативных чувствах. Причем нередко носитель предубеждения оправдывает его тем, что «они сами нас ненавидят». Иными словами, «моя» неприязнь – всего лишь ответная реакция на «их» отношение;

- **когнитивный**, характеризующийся враждебным представлением об этнической группе, которой приписываются исключительно негативные качества – антиподы «наших», позитивных. Например, «они» – хитрые, «мы» – простодушные или «они» – агрессивные, а «мы» – добрые и т.п. (Сикевич, 1999. С. 112);

- **поведенческий**, который выражается в негативных действиях по отношению к членам дискриминируемой группы. Причем эти действия могут носить как вербальный (уничижительные клички, оскорбления), так и силовой характер.

Чаще всего предубеждения формируются по следующим причинам:

1. **Конкуренция между этническими группами за власть или статус.** Эта причина носит социальный характер, исследуется социологами и выражается в символической системе этнических неравенств в доступе к власти, существующей в сознании представителей той или иной группы. Как правило, эта символическая стратификация является следствием манипуляции со стороны национальных элит (Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. 2015. С. 146), политических организаций и СМИ. Нередко именно такого рода конкуренция становится первопричиной форми-

рования этнических конфликтов (Сикевич, 1999. С. 15). Именно эта причина расширения этносоциальной дистанции между титульными народами постсоветских государств, с одной стороны, и местным русским меньшинством, с другой стороны, сформировалась почти сразу же после распада СССР и привела к прямой или скрытой дискриминации так называемых русских мигрантов.

2. Маргинализация социальной идентичности. Чрезмерное стремление к подчеркиванию позитивного отличия своей группы от других может способствовать формированию негативной оценки в отношении других. Если для утверждения групповой идентичности требуется образ «врага», такая идентичность может считаться нездоровой, маргинальной. И этот механизм чаще всего предваряет развитие этнического конфликта. Наиболее наглядным примером тому служит ситуация на Украине, где негативный образ русского исподволь формировался уже с середины 90-х гг., а вовсе не только после Майдана 2013 г.

3. Семейное воспитание. Предубеждения детей отражают систему установок родителей и усваиваются ими еще в ходе первичной семейной социализации. Многочисленные исследования убедительно демонстрируют, что предубеждения первоначально формирует именно семья, а не улица, не социум в широком смысле (Сикевич, 2016; Эрикссон, 1996. С. 12–27). Причем школе впоследствии чрезвычайно трудно привить толерантные установки ребенку, если он с раннего детства от самых близких людей слышал негативные высказывания о «кавказцах» или евреях.

4. Представление о реальной или мнимой угрозе, опасности со стороны другой группы. Следует подчеркнуть, что в этом состоит психологическое содержание любого этнического конфликта. Только уверенность в том, что иная этническая группа представляет угрозу существованию «нашей» группы, заставляет людей взяться за оружие. Так начинался грузино-абхазский или косовский конфликт.

Этнические предубеждения можно расположить на условной шкале, одним из полюсов которой является наиболее мягкое проявление неприязни (негативные высказывания типа «чучмек» и т.п.), другим – крайняя форма ксенофобии – этноцид. Промежуточными формами проявления предубеждений чаще всего являются прямая (правовая) или скрытая дискриминация под предлогом недостаточного владения государственным языком или так называемого ценза оседлости, а также отдельные акты насилия как против членов дискриминируемых групп, так и против значимых символов их идентичности (храмы, могильные плиты и т.п.).

Интересная модель объяснения предубеждений предложена П. Дивайн (Мацумото, 2002). Она предполагает, что в условиях этноконтактной среды межэтническое взаимодействие неизбежно приводит к активизации социальных стереотипов. Но «политкорректные» люди, воспитанные на идеях равенства, стремятся сознательно подавить негативные стереотипы, что им не всегда удается в связи с первичностью именно этих стереотипов относительно толерантных установок. В этом случае люди ощущают расхождение между своими моральными стандартами и действиями, что приводит к чувству вины, раскаянию, самообвинению. Эта модель косвенно признает, что любой этнический стереотип, включая предубеждение, предшествует освоению толерантности, которая является формой социального научения в соответствии с нормами открытого общества.

Следует специально подчеркнуть **различие феномена политкорректности как внешней формы толерантного поведения и терпимости**, которая предполагает глубинную установку толерантности на основе отказа от интерпретации людей по критерию «свои» – «чужие». Представляется, что внешняя политкорректность как определенный этикет поведения в этноконтактной среде вовсе не равнозначна отсутствию всяческих предубеждений на основе этнического происхождения. Иными словами, если человек называет негров афроамериканцами, это необязательно свидетельствует о его доброжелательности к представителям черной расы. И напротив: популярные у нас еврейские анекдоты, фиксирующие, как правило, негативные стереотипы по отношению к представителям этой национальности, необязательно маркируют рассказчика как антисемита.

На наш взгляд, проявлением внешней, своего рода лицемерной, политкорректности является использование понятий «лица кавказской национальности» вместо указания на конкретную национальность или «лица еврейской национальности» вместо понятия «евреи» / «иудеи».

Обратимся к данным исследования, выполненного при поддержке гранта РФФИ (2016–2018 гг.) и посвященного, в частности, формированию этнической идентичности у выходцев из межэтнических семей (Сикевич, 2016).

Критерий отбора – семья (дети в возрасте от 16 до 24 лет и их родители). Участниками опроса стали 56 петербургских межэтнических семей (56 детей и 90 родителей). В качестве контрольной группы опрашивались 35 моноэтнических русских семей (35 детей и 71 родитель). Итого 252 чел.

Гипотетически предполагалось, что процесс этнической самоидентификации у выходцев из этносмешанных и однородных семей будет различаться. Гипотеза подтвердилась лишь частично.

Мы исходили из того, что одной из структурных составляющих этнической идентичности являются уровень толерантности и наличие / отсутствие предубеждений, основанных на неприязни лиц той или иной национальности (Волков, 2014. С. 155–156; Идентичность и толерантность, 2002; Толерантность и культурная традиция, 2002). Этническая норма (моноэтническая идентичность) предполагает толерантное отношение к другим этническим группам, в то время как гипертрофированная форма моноэтнической идентичности сопровождается проявлениями нетерпимости на этническом основании и предубеждениями на уровне социальной рефлексии (Дробижева, 2011. С. 72–85; Сикевич, 2005. С. 117).

Влияет ли членство в смешанной семье по сравнению с моноэтнической семьей на уровень толерантности? Как показали данные исследования, определенная обусловленность **существует, хотя она и не имеет определяющего значения.**

Для выявления степени этнической толерантности участникам опроса была предложена авторская диагностирующая методика (Сикевич, 2006), включающая 14 суждений – 7 толерантных и интолерантных утверждений, которые оценивались по 5-балльной шкале, где 5 – полностью согласен и 1 – совершенно не согласен. Совокупные данные представлены в табл. 1 и 2.

По суждениям 1, 2 и 5 (табл. 1) респонденты оказались единодушны. По всем шести категориям выборки оценка превысила 4 балла, в первом случае приближаясь к максимальному значению.

Эти мнения отражают наиболее нормативный и в то же время поверхностный срез толерантности, который психологически трудно оспорить, если не встать на позицию крайней ксенофобии. Как мы видим, ксенофобия в установках участников опроса практически отсутствует.

В меньшей степени респонденты единодушны в своем безразличии к национальности людей, находящихся у власти (суждение 3), причем различия в оценках довольно существенны (табл. 1). Наиболее категоричны в своем неприязни такой перспективы отцы из моноэтнических семей (2,0 балла; ср. члены межэтнических семей: дети – 3,3 балла, родители – 2,6).

Заступить за человека другой национальности, которого оскорбляют, чаще других готовы отцы из межэтнических семей

(4,0 балла). Можно предположить, что такую ситуацию они невольно экстраполируют на самих себя и поэтому реагируют на нее куда решительнее представителей других категорий участников опроса (ср. отцы из моноэтнических семей – 3,5 балла).

Таблица 1

**Толерантные установки (позиция «согласен»)
(средний балл, 1–5)**

№	Суждения	Дети МЖ	Дети МОНО	Отцы МЖ	Матери МЖ	Отцы МОНО	Матери МОНО
1	Каждый человек должен уважать традиции любого народа, а не только своего	4,6	4,4	4,7	4,5	4,4	4,6
2	У всех народов встречаются и хорошие, и плохие люди	4,8	4,9	4,9	4,9	4,8	4,8
3	Мне безразлична национальность людей, которые находятся у власти в моей стране	3,3	2,4	2,6	2,6	2,0	2,4
4	Если кто-то оскорбляет представителя другой национальности, я готов выступить в его защиту	3,7	3,6	4,0	3,5	3,5	3,6
5	Все люди, независимо от национальности и места жительства, должны обладать равными правами	4,4	4,5	4,1	4,2	4,1	4,3
6	Не только мигранты должны приспосабливаться к коренным жителям, но и хозяева к приезжим	3,4	2,8	3,7	3,4	2,7	2,8
7	Чем быстрее народы перемешаются, тем меньше будет этнических конфликтов	3,1	2,8	3,0	3,1	2,1	2,5

Примечание. Сокращения, принятые в данной и последующих таблицах: дети МЖ – дети из межэтнических семей; дети МОНО – дети из моноэтнических семей; отцы МЖ – отцы из межэтнических семей; матери МЖ – матери

из межэтнических семей; отцы МОНО – отцы из моноэтнических семей; матери МОНО – матери из моноэтнических семей.

Примечательны сравнительные оценки суждений 6 и 7 членов межэтнических и моноэтнических семей. И в этом случае полярными в оценивании оказываются позиции отцов из межэтнических семей (соответственно 3,7 и 3,0 балла) и русских отцов из моноэтнических семей (2,7 и 2,1 балла). Последние ориентированы на большую замкнутость этнических границ по сравнению с отцами из этносмешанных семей, что свидетельствует об их настороженности в отношении «чужаков».

Таблица 2

Интолерантные установки (позиция «согласен»)

Признаки	Дети МЖ	Дети МОНО	Отцы МЖ	Матери МЖ	Отцы МОНО	Матери МОНО
1. Я предпочитаю общаться с представителями своего народа	2,7	2,9	3,2	2,5	3,0	2,6
2. Правильнее, чтобы каждый человек жил у себя на родине	2,8	2,6	3,1	2,8	3,4	2,9
3. Лучше вступать в брак с представителем своей национальности	3,1	3,2	2,6	3,0	3,4	3,0
4. Есть народы по своему характеру значительно агрессивнее моего народа	4,5	4,2	4,5	4,5	4,2	4,3
5. Мой народ в истории нередко становился жертвой происков других народов	4,0	2,9	4,0	4,3	3,7	3,6
6. Нельзя изменять вере своих предков	3,8	2,6	4,4	3,7	3,7	3,0
7. Чем меньше приезжих других национальностей, тем спокойнее	3,5	3,6	3,6	3,4	3,6	3,5

По интолерантным установкам по сравнению с толерантными оценки расходятся меньше: по суждениям 4 и 7 они фактически совпадают. Все участники опроса склонны считать (оценка превышает 4 балла), что есть народы значительно агрессивнее «моего народа». Эту по-

зицию можно интерпретировать как этноцентристскую. В равной мере (при более низкой оценке на уровне 3,5 балла) респонденты всех 6 категорий полагают, что «чем меньше приезжих других национальностей, тем спокойнее». Стоит обратить внимание на то, что это как раз конкретная экстраполяция теоретического положения П. Дивайн о расхождении этнической нормы с реальной установкой.

Удивляет то, что в данном случае совпадают оценки отцов из межэтнических семей, в большинстве своем иноэтнического происхождения (76 %), и русских отцов из моноэтнических семей. Очевидно то, что нерусские члены смешанных семей не относят это мнение к самим себе, а к неким «другим приезжим», причисляя самих себя в этом случае уже к укоренившемуся населению.

Все участники опроса, за исключением отцов из смешанных семей (2,6 балла), полагают, что предпочтительнее вступать в брак с представителем своей национальности (на уровне 3–3,4 балла). Примечательно, что в оценке этого утверждения совпадают мнения жен из моноэтнических и межэтнических браков, хотя вторые в своей реальной жизни не последовали этой традиции.

Обращает внимание «особое мнение» отцов из смешанных семей относительно следования вере своих предков. Большинство из них полагает, что нельзя ей изменять (4,4 балла). В этом случае, и это исключение, позиция отцов заметно расходится с мнением собственных детей (2,6 балла). Очевидно, этот факт объясняется в целом большей индифферентностью представителей младшего поколения по сравнению с поколением их родителей к религии, ее месту в жизни человека.

Так, в ходе ранжирования своей принадлежности к различным социальным группам дети как из смешанных, так и из однородных в этническом отношении семей присвоили конфессиональной принадлежности ранг более низкий по сравнению с территориальной, этнической и национальной общностью.

Сравним условный индекс толерантности с индексом интолерантности по всем шести категориям выборки (табл. 3).

Таблица 3

**Сравнительная оценка толерантных
и интолерантных установок, средний балл**

Установки	Дети МЖ	Дети МОНО	Отцы МЖ	Матери МЖ	Отцы МОНО	Матери МОНО
Толерантные	3,9	3,6	3,9	3,7	3,4	3,6
Интолерантные	3,5	3,1	3,6	3,4	3,6	3,3

- **Наиболее толерантны отцы и дети из межэтнических семей, наименее – русские отцы из моноэтнических семей.** Только у русских отцов уровень согласия с интолерантными утверждениями незначительно, но превышает индекс толерантности. Следует отметить, что именно у этой категории и по другим характеристикам этнической идентичности установки носят более этноцентристский, «охранительный» характер по сравнению с представителями других категорий выборки.

- **Интеграция мужчин иноэтнического происхождения** в первоначально чуждую им культурную среду, не говоря уже о самом факте вступления в межэтнический брак, во многом **предопределяет формирование сознания относительно более толерантного по сравнению с представителями моноэтнических семей русского происхождения.**

- **Уровень толерантности детей в целом почти не отличается от уровня толерантности их родителей,** в особенности это касается выходцев из межэтнических семей.

- В целом **соотношение толерантности / интолерантности** в этническом самосознании участников опроса **носит внутренне противоречивый характер.** Принятие этнической нормы в отношении к другим народам в позициях респондентов лишь незначительно превалирует над установками, свидетельствующими о наличии этноцентризма.

Противоречивость этнической идентичности и установочного поведения в сфере этнических отношений подтверждает наличие как этнических предубеждений, так и оценки межэтнического брака как такового.

Готовность вступить в брак с представителем другой национальности (для молодого человека) или принять в качестве члена семьи этнического «чужака» (для его родителей) является наиболее точным индикатором уровня толерантности и отсутствия этнических предубеждений.

Действительно, можно сколько угодно декларировать открытость и терпимость на словах, но на уровне реального поведения, когда это касается самого ближнего круга – семьи, установка может измениться в сторону замкнутости и сохранения этнических границ.

Для выходцев из межэтнических и моноэтнических семей (детей) вопрос был сформулирован в форме проективной ситуации: «Представьте себе, что Вы собираетесь жениться (выйти замуж). Будут ли для Вас иметь значение национальность и религия будущего супруга?» (табл. 4).

Выяснилось, что сам факт членства в смешанной семье предопределяет отношение к возможности вступления в межэтнический брак. Лишь для каждого четвертого выходца из межэтнической семьи национальность и религия будущего супруга имеют значение, в то время как для половины из их числа эта характеристика мужа (жены) не играет никакой роли.

Таблица 4

Значение национальности и религии будущего супруга, %

Признак	Да		Нет		Трудно сказать	
	Дети МЖ	Дети МОНО	Дети МЖ	Дети МОНО	Дети МЖ	Дети МОНО
Национальность	25,0	45,2	53,6	48,4	21,4	6,5
Религия	25,0	32,3	42,9	45,2	32,1	22,6

По-иному оценивается такая возможность членами моноэтнических семей, почти для половины из них (45,2 %) национальность вероятного супруга имеет решающее значение, причем их позиция определеннее, чем у выходцев из смешанных семей. В ответе затруднились лишь 6,5 % из их числа, в то время как уклонился от выбора определенной альтернативы почти каждый четвертый выходец из межэтнического брака.

Относительно религиозной принадлежности мнения выходцев из смешанных и однородных семей различаются в меньшей степени (см. табл. 4), скорее всего, потому что в целом младшее поколение придает этому культурному признаку небольшое значение (Рыжова, 2015. С. 139–145).

Кого именно по этнической или религиозной принадлежности отклоняют участники опроса в качестве вероятного супруга?

Характерно, что в перечислении **нежелательных брачных партнеров** у выходцев как из межэтнических, так и из моноэтнических семей фигурируют одни и те же национальности и конфессии – чаще всего это **представители народов Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока** без указания конкретной национальности («кавказец», «азиат», «араб»), реже – с конкретизацией (в частности, чеченцы, азербайджанцы, таджики, киргизы).

Как исключение (3 чел.) в этом списке присутствуют евреи. 8 % русских по национальности выходцев из моноэтнических семей безапелляционно заявили: «только русские».

В отношении нежелательной религиозной принадлежности молодые участники опроса высказываются определеннее. В большинстве своем (выходцы из межэтнических семей – 67,4 %; выходцы из моноэтнических семей – 77,8) это **мусульмане**. Причем для вторых относительно распространенным был ответ «только православные» или «только христиане». Вместе с тем подавляющее число детей отцов-мусульман хотят видеть в качестве супруга только мусульманина, причем эта установка в равной мере отличает и юношей, и девушек.

Родители относятся к потенциальному иноэтническому зятю или невестке примерно так же, как их дети. В этом случае наиболее заметно различаются позиции, с одной стороны, отцов из межэтнических семей и, с другой – отцов из семей однородного типа. Так, если у первых преобладает положительная или нейтральная оценка такой перспективы (соответственно 28,1 и 46,9 %), то у вторых терпимость выражена слабее (соответственно 4,5 и 27,3 %). Оговаривают свое отношение национальностью потенциального члена семьи 12,5% отцов из этносмешанных и 31,8 % отцов из этнооднородных семей.

Сравним **брачные установки детей** с отношением к иноэтническому члену семьи родителей. За редким исключением (12,4 %), отношение детей **совпадает с оценками их родителей** – у толерантных родителей и дети проявляют толерантность в выборе супруга. В случае межэтнического брака идентичными оказываются даже перечисляемые национальности. Подобная позиция характерна для членов как межэтнических, так и моноэтнических семей.

Таким образом, очевидно, что в отличие от общих установок толерантности, которые обсуждались в связи с данными табл. 1 и 2, на реальное брачное поведение детей родители влияют значительно сильнее, чем на оценки, которые обусловлены нормативным восприятием межэтнических отношений.

Для тех участников опроса (и детей, и родителей), которые брачный выбор обуславливают религиозной принадлежностью потенциального супруга, полярными оказываются ислам и православие. Типичны ответы «только мусульманин» или, напротив, «только православный», причем более категоричны женщины, состоящие как в межэтнических, так и в моноэтнических браках. Их мнение чаще совпадает с мнением детей (и сыновей, и дочерей), чем мнение отцов.

Представители кавказских народов, исповедующих христианство (грузины, армяне, осетины), чаще русских оговаривают свое отношение к избраннику сына / дочери вероисповеданием, причем мусульмане отклоняются в любом случае. Кроме этого, в единичных случаях негатив-

ное отношение к браку сына или дочери с представителем другой национальности обусловлено конфликтными отношениями между отдельными народами Кавказа. Так, родители-грузины не хотят видеть членом семьи абхаза, а родители-армяне – азербайджанца.

Отцы – выходцы из Средней Азии, в большинстве своем трудовые мигранты (Дмитриев, 2013. С. 49–56), в целом толерантнее к браку своих детей с представителем другой этнической группы или с иной религиозной принадлежностью по сравнению с православными «кавказцами».

Однако те из них, кто относится к такого рода перспективе критичнее (примерно каждый четвертый), по-разному воспринимают межэтнический брак сына и дочери. Если сыну «разрешается» привести в семью жену без оглядки на ее вероисповедание, то у дочери выбор ограничивается рамками ислама. Подобная установка типична для исламской традиции, которой следуют верующие представители народов Средней Азии. Примечательно, что речь идет о мужчинах, которые сами вступили в межэтнический брак с русскими женщинами православного вероисповедания, но тем не менее хотели бы видеть своих дочерей женами мусульман. У русских отцов из моноэтнических семей на отношение к межэтническому браку пол ребенка не влияет.

Можно предположить, что более или менее терпимое отношение отцов-мусульман к браку своих детей с иноверцами обусловлено степенью их интеграции в российскую культурную среду и временем пребывания, однако это предположение требует дополнительного анализа.

Отдельно следует оговорить фактически полное отсутствие в списке «нежелательных» для брака национальностей евреев (иудеев), которых упомянули всего трое участников опроса (две матери из моноэтнических семей и одна мать из межэтнической семьи). Это косвенный показатель снижения уровня антисемитизма, который мы фиксировали в наших предыдущих исследованиях (Сикевич, 2005. С. 204).

Важно подчеркнуть, что **отношение к межэтническому браку остается в целом толерантным**. Этот факт отражает сохранившуюся в социализации постсоветских поколений советскую традицию дружбы народов, которую поколебали, но еще, к счастью, до конца не разрушили постсоветские этнические конфликты и возросшая по сравнению с периодом советской власти религиозная акцентуация этнического самосознания народов бывшего СССР.

К основным выводам исследования можно отнести следующие:

1. Меньший этноцентризм по сравнению с младшим поколением проявляют люди старших возрастных групп, прошедшие первичную социализацию в период советской власти.

2. Уровень толерантности членов межэтнических семей в целом превышает уровень толерантности членов моноэтнических семей.

3. Наиболее толерантны отцы из этносмешанных семей, наименее – отцы из семей, однородных по этническому составу.

4. Конфессиональная принадлежность менее значима для всех участников опроса (основная и контрольная выборки), чем этническая идентичность.

5. Членство в межэтнической семье предопределяет позитивное отношение к собственному вступлению в этносмешанный брак.

6. Предубеждения направлены главным образом на представителей народов Кавказа и Средней Азии.

Литература

References

Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Су-
солколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-
пресс, 1999.

Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. Ведом-
ственный национализм в современном
российском обществе: этнократия или ми-
грантофобия. // Гуманитарий Юга России
2015 № 4. С. 142-151.

Волков В.В., Рыжова С.В. Этническая
идентичность в контексте толерантности.
М., 2011. Рец. Волков В.В. // Социологиче-
ские исследования. 2014. № 3. С. 155–157.

Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интегра-
ция трудовых мигрантов в мегаполисе //
Социологические исследования. 2013. № 5.
С. 49–56.

Дробизжева Л.М. Российская иденти-
чность и тенденции в межэтнических услови-
ях за 20 лет реформ // Россия реформирую-
щаяся. Ежегодник 2011. Вып. 10 / под ред.
М.К. Горшкова. М.: ИС РАН, 2011. С. 72–85.

Идентичность и толерантность / под ред
Н. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропо-
логии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2002.

Левкович В.П., Андрусцак И.Б. Этноцен-
тризм как социально-психологической фено-
мен // Психологический журнал. 1995. № 2.

Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M., Su-
solkolov, A.A. (1999). Ethnosociology. M.:
Aspect-press.

Bedrik A.V., D'yachenko A.N. Vedom-
stvennyy natsionalizm v sovremennom ros-
siyskom obshchestve: etnokratiya ili migran-
tofobiya. // Humanities of the South of Russia
2015 № 4. P. 142-151.

Volkov, V.V., Ryzova, S.V. (2014). Ethnic
identity in the context of tolerance. M., 2011.
Rec. Volkov V.V. *Sotsiologicheskie issledo-
vaniya*, No. 3. Pp. 155-157.

Dmitriev, A.V. Piyaduchov, G.A. (2013). In-
tegration of labor migrants in the megapolis.
Sociologicheskie issledovaniya. No. 5. Pp. 49-
56.

Drobizheva, L.M. (2011). Russian Identity
and Trends in Interethnic Conditions for 20
Years of Reform. *Rossia reformiruyuscha-
yasya*. Vol. 2011. Issue. 10. In M.K.
Gorshkov (Ed.). M.: IS RAN, Pp. 72-85.

Identity and tolerance. (2002). I N. Le-
bedeva (Ed.). M.: Institut etnologii i antropo-
logii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN.

Levkovicz, V.P., Andrusczak, I.B. (1995).
Ethnocentrism as a socio-psychological phe-
nomenon. *Psychologicheskiy zurnal*, No 2.

- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Оллпорт Г.* Толерантная личность // Век толерантности. 2003. Вып. 6. С. 39–50.
- Панферов В.Н., Сикевич З.В.* Человекознание Б.Г. Ананьева как методология психологической науки // Вопросы психологии. 2017. № 7. С. 3–14.
- Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 73–118.
- Рыжова С.В.* Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10 (378). С. 136–144.
- Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова, 1999.
- Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
- Сикевич З.В., Безрукова О.Н., Поссель Ю.А., Самойлова В.А.* Межэтнические семьи как фактор формирования этносоциальной стабильности в российском обществе // Социология и общество. Социальное неравенство и социальная справедливость : материалы V Всерос. социол. конгресса. М.: РОС, 2016. С. 4510–4517.
- Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.* Социальное бессознательное. СПб.: Питер, 2005.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А., Румянцева П.Е., Смолина Т.Л.* Этнопсихология : учеб.-метод. пособие. СПб.: ИПП, 2006.
- Толерантность и культурная традиция / под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: РУДН; Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
- Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Barth F.* Introduction. Ethnic Groups // The Social Organization of Culture Difference. London, 1969. P. 23.
- Bedrik A.V., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Volkov Y.G., Vyalykh N.A.* Value Policy: Conceptual Interpretation of Research Practices // Indian Journal of Science and Technology. Vol. 9(5). February, 2016.
- Macumoto, D.* (2002) Psychology and culture. SPb.: Praym-Evroznak.
- Allport, G.* (2003). The Tolerant Personality. *VremiaTolerantnost*, Issue 6. Pp. 39-50.
- Panferov, V.N.* Integral synthesis of human psychology in science, education and social interaction. SPb.: SPGU Publishing House of the Russian State Pedagogical University, Pp. 491-502.
- Porshnev, B.F.* (1979). Social psychology and history. M.: Nauka, Pp. 73-118.
- Ryzova, S.V.* (2015). Ethnoconfessional identity and the formation of religious political orientations. *Sociologiczeskie issledovaniya*, No. 10 (378). Pp. 136-144.
- Sikevich, Z.V.* (1999). Sociology and psychology of national relations. St. Petersburg: Mikhailov Publishing House, Pp. 108-116.
- Sikevich, Z. V.* Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society. St. Petersburg: SPGU Publishing House, 2012.
- Sikevich, Z.V., Bezrukova, O.N., Possel Yu.A., Samoylova, V.A.* (2016). Interethnic Families as a Factor of Formation of Ethnosocial Stability in Russian Society // Sociology and Society. Social inequality and social justice: *Proceedings of the 5 All-Russian Sociological Congress*. M.: ROS, Pp. 4510-4517.
- Sikevich, Z.V., Krokinskaya, O.K., Possel, Yu.A.* (2005). The social unconscious. St. Petersburg: Piter, Pp. 13-35.
- Sikevich Z.V., Possel, J.A., Rumjanceva, P.E. Smolina, T.L.* (2006). Ethnopsychology. St. Petersburg: ANO «IPP».
- Tolerance and cultural tradition. In M.Martynov (Ed.). (2002). M.: RUDN; Institut etnologii i antropologii RAN.
- Triandis, H. K.* (2007). Culture and social behavior. M.: Forum.
- Erickson, E.* (1996). Identity: youth and crisis. M.: Progress.
- Barth, F.* (1969). Introduction. Ethnic Groups. *The Social Organization of Culture Difference*. London.
- Bedrik A.V., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Volkov Y.G., Vyalykh N.A.* Value Policy: Conceptual Interpretation of Research Practices // Indian Journal of Science and Technology. Vol. 9(5). February, 2016.

De Vos G. Ethnic Pluralism. Conflict and Accomodation // Ethnic Identity. Cultural Change. Chicago, 1997. P. 9.

Herskovits M. Cultural Relativism. Perspectives of Cultural Pluralism. N.Y., 1972.

De Vos G. (1997). Ethnic Pluralism. Conflict and Accomodation // Ethnic Identity. *Cultural Change*. Chicago.

Herskovits M. (1972). Cultural Relativism. Perspectives of Cultural Pluralism. N.Y.

Поступила в редакцию

12 февраля 2018 г.